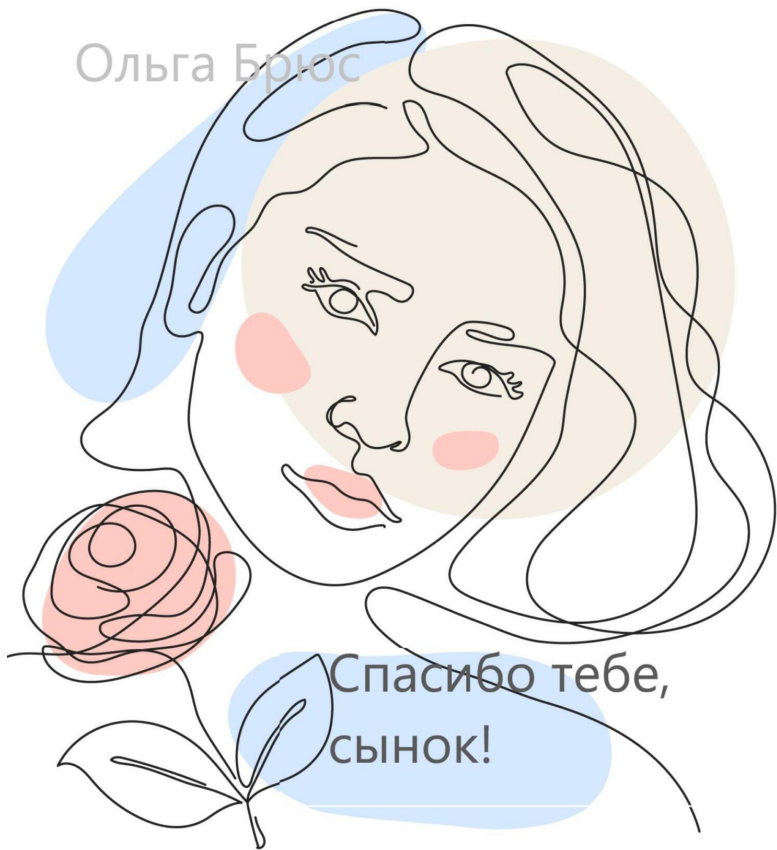

Ольга Брюс

Спасибо тебе,
сынок!

Ольга Брюс

Спасибо тебе, сынок!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68921253

SelfPub; 2023

Аннотация

На плечи мальчишки легла тяжёлая ноша. Но он не сдался. Мать вырастила настоящего мужчину, способного понять и простить.

Ольга Брюс

Спасибо тебе, сынок!

Митя закончил чистить навоз у коровы, приставил вилы к бревенчатой стенке, закрыл сарай, загнал кур в небольшой закуток, где над полом были прибиты шестки для ночных посиделок пернатых, погладил виляющего хвостом Мухтара, попросив его не лаять ночью и не будить детвору, взял ведро с яйцами и отправился в дом, в котором все давно уже спят. Спрятав в сених под лавку ведро, мальчишка устало вытер вспотевшую шею, потом удостоверился закрыта ли калитка, позвал кота Мурзика в дом и запер дверь на засов. В доме стоит мёртвая тишина, если не замечать еле различимое посапывание мелкотни и стойкий стрекот сверчков за окном. Пора ложиться спать. Завтра будет новый день и, скорее всего, на подростковые плечи вновь лягут заботы о хозяйстве и младших братьях.

Уже несколько дней Митька заменяет братишкам мать и отца. Совсем недавно в семье Ивановых случилась беда. Отец спасал из горящей фермы телят. Крыша обвалилась и накрыла молодого хлопца, придавив тяжёлыми брёвнами. Неделя, как схоронили Петю. Неделя, как мама оплакивает мужа и пьёт с утра до ночи, чтобы залить горе, вырвавшее кусок из хрупкого сердца.

Рано утром, когда петух ещё не успел пропеть первое «Ку-

ка-ре-ку», младший брат Ваня проснулся от боли в затылке. Повернувшись, он впотьмах смог разглядеть малюсенькие ручки, цепляющиеся за одеяло и тянущие его в рот.

– Сколько тебе говорить, не таскай меня за волосы, – сердито прошептал Ваня, которому семь лет отроду. – Из-за тебя у меня голова болит.

Четырёхмесячный мальчишка улыбался беззубым ртом и слюнявил уголок пододеяльника, и Ваня понял, Алёша хочет есть. Спрыгнув с кровати, он побежал в кухню, включил свет, затем шустро взобрался по лестнице на печь и растолкал старшего брата.

– Мить, вставай, там Лёшка есть просит.

– Угу, – Митя не мог разлепить веки. Поздно ложась и поднимаясь с петухами, он за последнюю неделю изрядно выбился из сил.

Одиннадцатилетнему мальчику приходится всё делать самому, всю взрослую работу: кормить младших, доить корову, следить за братьями и домом.

– Сейчас, – поднявшись, Митя протёр припухшие глаза, махнул рукой Ване, чтобы тот уступил лестницу и спустился вслед за ним.

Взял цинковое ведро, тряпку и отправился в сарай, добывать парное молоко. Митя умеет доить, бабка Агафья научила, когда жива была. А вот с ней Ивановы попрощались по весне. Всего три месяца прошло, и к бабке Агафье ушёл её сын Петя, отец пятерых детей. Кинув Бурёнке охапку сен-

ца, Митя подставил под её пятнистое брюхо низенькую табуретку и сел, сладко зевая и часто хлопая ресницами.

– Му-у, – протянула жующая Бурёнка, косясь на маленького дояра.

– Стой спокойно, – привязав хвост к ноге, мальчик взялся за соски.

Подоив кормилицу, он процедил молоко, налил в бутылочку и отдал самому младшему из братьев – Алёше. Мальчишка жадно присосался к резиновой соске, обхватив бутылку тонкими пальчиками, и зачмокал с неподдельным удовольствием.

– Ванька, открывай подпол, доставай картохи. Варить будем, – командным шёпотом приказал Митя. – Макара с Николашей не буди. Пусть дрыхнут, а нам с тобой корову в поле выгнать надо, воды в баню натаскать и грядки прополоть.

– Грядки? – лицо Вани вытянулось. – Ненавижу эти грядки.

– А огурцы зимой лопать любишь? Мамка не может сейчас хозяйством заниматься, значит, мы должны ей помочь.

– А что она целыми днями пьёт и плачет, плачет и пьёт? Хорошо ей, спи да пей, а мне вон сорняки дёргать.

– Замолчи, как тебе не совестно? У неё горе.

– У нас тоже горе. Папки-то у нас теперь нету, – и Ваня всхлипнул, втянув тонкие губы.

– Э-эх, – махнул рукой Митя, – нас много, а мамка у нас одна. Нам её беречь надо. Если с ней что случится, кто ребя-

тишек кормить будет? Мы с тобой по возрасту не подходим, нам младших никто не оставит. Бабки у нас тоже нет, соседи к себе не возьмут. Знаешь, куда отправят?

– Куда? – Ваня вытянул шею.

– В дом, где живут одни дети.

– Это же здорово.

– Ничего здоровского. В деревню вернёмся только тогда, когда совсем взрослыми станем. Никто нас никуда не отпустит.

– Почему?

– Правила там такие.

– А ты откуда всё это знаешь?

– Слышал, как в магазине тётки обсуждали мамку нашу. Глафира Семёновна говорит, мол, если мамка сопьётся, и мы голодными будем, то сюда приедут из... из, – приложив палец к подбородку, Митя задумался. Он никак не мог вспомнить незнакомое слово, но по разговору двух женщин сообразил, ни в коем случае нельзя допустить голода в семье. Иначе всех братьев отвезут в какой-то там дом, где живут несчастные дети. – Так что лезь за картохой, а я пока Бурёнке воды отнесу.

Закончив с водой и картофельными клубнями, Митя и Ваня отвязали корову и отогнали к прилеску, откуда пастух забирает стадо и ведёт в поле. Дома Митя поставил кастрюлю с картошкой на газовую плиту, а Ваня подмёл пол в кухне и в сенях. Потом мальчики выпустили кур, собрали утреш-

ние яйца, натаскали воды в баню. Ваня нажимал на рычаг колонки и наблюдал, как толстая струя бьёт по дну ведра, а Митя перетаскивал вёдра и выливал воду в бочки: одна для холодной воды, другая – для разогрева, путём протапливания печки. Когда картофель сварился, мальчики почистили его, нарезали свежего лука, сдобрили подсолнечным маслом и разбудили остальных детей.

– Не хочу-у, – захныкал пятилетний Макар, заворачиваясь в одеяло. – Я спать хочу-у.

– Тише ты, не ной, – шептал Митя, стаскивая брата с постели. – Сейчас поешь и в огород пойдём.

– Зачем?

– Бабочек будешь ловить.

После Митя разбудил двухлетнего Николашу, и тот зашёлся диким рёвом.

– Тихо, мамку разбудишь. А мамка наша приболела. Ей долго спать надо, – успокаивал мальчонку Митя, унося его в кухню.

Алёша, наевшись парного молочка, уснул, обняв бутылочку. Митя обложил его подушками, чтобы тот не упал, накормил братьев и вывел всех на улицу.

– Ваня и Макар берут себе грядки с огурцами, а мы с Николашкой будем морковку полоть, – отчеканил старший брат, глядя на высокие поросли, за которыми не видно овощей.

– А бабочки? – нахмурился Макар.

– Сейчас их нет, чуть позже прилетят. А чтобы тебе не было скучно, дёргай траву и жди.

Митя нарочно отдал братьям самую чистую грядку, чтобы они не ныли и не трепали нервы, как в прошлый раз, когда пололи лук, а там оказалось много ростков крапивы. Мама давно не занимается огородом. Перед тем, как папа погиб, она ссорилась с ним, где-то с месяц. Ругались из-за переезда. Отец уговаривал её уехать в соседнюю деревню, а мать ни в какую. Здесь их с отцом родина, поэтому она не собиралась оставлять дом, в котором жили её родители, и не хотела начинать новую жизнь. А теперь мама плачет и ругает себя, мол, надо было согласиться, тогда и Петя бы остался жив.

– Ваня, сегодня за хлебом твоя очередь сбегать, – Митя поднял ведро с сорняками и понёс его курам.

– А чего я? – возмутился Иван, пытаясь вытащить из земли червяка.

– Алёшку отправим? – ухмыльнулся Митя, высыпав траву и возвращаясь назад. – А что, пусть привыкает. Положим на дорогу и пускай катится.

Мальчишки, представив, как Алёша перекатывается через себя, рассмеялись в один голос.

– Сядешь на велик, не пешком же идти, – подмигнув брату, Митя сел на карточки перед молодой морковкой.

Весь день ребятня трудилась: готовили обед, пололи грядки, развлекали Алёшку, который не мог лежать на кровати в одиночестве, встречали Бурёнку, Митя её доил, кормил,

а после обеда вновь проводил в поле. Ближе к вечеру ребята собрались поливать огород.

– Опять? – Ваня не скрывал, что лень родилась впереди него. Ему до смерти хотелось сбежать к друзьям на речку, но Митя не пустил.

– Надо каждый день поливать. Жара какая стоит. Не будем носить воду – всё погорит.

– Как папка? – спросил наивный Макар, вытаращив на старшего брата карие глазёнки.

– Так, – Митя не стал развивать грустную тему и погнал детей на колонку.

Каждый нёс своё ведро. Митя – двенадцатилитровое, Ваня – восьми, Макар – пяти, а Николашка – то, что в песочнице куличи лепят.

Набрав воды, ребяташки понесли тяжёлые вёдра обратно. Митя шёл молча, стиснув зубы, Ваня громко кряхтел и кривлялся, будто его лицо перекосило от неподъёмной тяжести, Макар изогнулся, как камыш на ветру и что-то бормотал себе под нос, а Николаша никогда не доносил воду до грядки. Он поливал подорожник, аккуратно распределяя воду под каждый кустик.

Вдруг, ни с того ни с сего, на голубом небе сгустились тучи. Сверкнула молния и на мальчишек опустился густой сумрак. Макар и Николаша жутко боялись грозы. Сообразив, что сейчас загремит, они побросали вёдра и бросились бежать.

– Трусишки! – крикнул им Митя, собирая опустошённые вёдра с земли.

Ваня боязливо поглядывал на старшего брата и придерживался его правой руки. Он никогда никому не говорил, что до жути страшится грома и молнии. Прогремел раскатистый гром, первые дождевые капли посыпались на ребят, и Митя дал указ бежать. От воды мальчишки не избавились. Они с серьёзным видом волокли вёдра, чтобы поставить их в сарае. Зачем выливать, если вечером можно напоить корову и кур? Пока дети копошились у сарая, с неба посыпался крупный град, и Митя испугался.

– Огурцы! – закричал он, бросившись к грядкам.

Холодные градины больно били по голым рукам и плечам, но Митька продолжал натягивать на проволоку плёнку, чтобы спасти овощи. Насмотревшись на смелого брата, Ваня решил присоединиться. Ребятишки прыгали вокруг грядок, растягивая плёнку и прижимая её края камнями. Порывистый ветер не давал двум маленьким мальчикам закончить работу, вырывая из рук укрытие и оттаскивая его подальше от огурцов. Минут пятнадцать дети боролись с градом и ветром, наконец, им удалось плотно прикрыть грядки и спрятаться в доме. Плечи и руки жгло и щипало из-за холодного града, который чуть позже сменил мощный ливень. Отдышавшись, Митя проверил Алёшку, потом сел за стол и попросил Ваню поставить чайник. Митька ощущал першение в горле и дрожь во всём теле.

Этой ночью он практически не спал из-за приступа кашля и высокой температуры. Всю ночь за ним ухаживал Ваня, поднося мокрые полотенце и тёплую воду.

Утром, когда первые солнечные лучи пробились сквозь тонкую занавеску и ударили в лицо Мити, он проснулся и открыл глаза. Мокрый насквозь, он попробовал позвать брата, но голос пропал бесследно, будто его кто-то отключил. Потрогав шею, чем-то туго перевязанную, Митя понял, это тёплый шарф. Так мама всегда делала, когда братья болели – наматывала шарф на шею и отпаивала горячим чаем с мёдом. Приподнявшись на локтях, мальчик сощурился. Голову тянуло к подушке, перед глазами всё плыло и было больно глотать.

– Ва-ань, – выдохнул Митя, ощущая жажду. Но Ваня его не слышал.

Митя сел на кровати взялся за голову. Её так кружило, что мальчика затошнило, но обезвоживание заставляло встать и пойти в кухню за водой. Держась за кровать, Митя поднялся, сделал два несмелых шага и вдруг... он услышал знакомый голос. На мгновение мальчик подумал, что ему привиделось, ведь он заболел, попав под дождь. Но звуки повторились. Тоненько так, с душой. Открыв дверь Митя переступил порог и заглянул во вторую комнату. Там, на кровати, сидела мама и качала Алёшку, напевая колыбельную. Глаза Митьки заслезились. Мама сидела к нему спиной и плавно покачивалась то влево, то вправо. Медленно переставляя но-

ги Митя приблизился и осторожно тронул её за плечо. Она обернулась. Её глаза сияли так, как будто никогда не плакали. Волосы убраны в аккуратный пучок. Мама улыбалась. Показав глазами на кровать, она молча попросила сына присесть. Митя сел и взглянул на мирно спящего Алёшку. Мама прислонила голову к груди старшего сына и продолжила петь колыбельную. На душе Мити стало светло и тихо. Он будто провалился в прошлое, когда мама вот также сидела с сыновьями и пела песенки на ночь. Он не знал, что она слышала его разговор с Ваней. Женщина, пребывая в глубоком горе, и подумать не могла, что её сынок окажется таким заботливым для всех и не осудит мать. Она продолжала покачиваться даже тогда, когда допела песенку. Потом громко вздохнула, поцеловала в лоб Алёшку и подняла голову. Митя увидел маленькие искорки в её глазах, наполненные любовью. Прижав к себе мальчика, женщина ещё раз вздохнула и произнесла ласковым голосом самые важные слова:

– Спасибо тебе, сынок.